

СЕМАНТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МОЛЧАНИЯ

В.А. Маслова

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Молчание растворилось в природе, мире вообще, человеку и может быть исследовано с разных сторон: философия молчания, мифологический аспект молчания, молчание как коммуникативный феномен (см. работы А. Кибрика), о семантике и прагматике молчания (работы Н.Д. Арутюновой), есть наши работы по поэтике молчания и т.д.

Цель данной статьи – посмотреть на феномен молчания с коммуникативных позиций.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили толковые словари русского языка, тексты поэтических и прозаических произведений, использующих слово молчание (всего более 300 контекстов), а методом – компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. По словам Н.Д. Арутюновой, молчание – отрицательный феномен, и это затрудняет его исследование [1, 417]. Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что в семантике молчания важен предмет (*молчать о чем-то*) и совместность действия (*молчать с кем-то*). Но с другой стороны, *молчать* безболезненно для собеседника нельзя (если это не магический акт), человек может молчать только когда он один. Это ставит под сомнение совместность молчания, по Арутюновой.

Молчать – это не говорить. Но о младенце и немом не говорят, что он молчит, т.е. молчание предполагает умение говорить. Поэтому можно не говорить по-английски, уйти по-английски, но нельзя молчать по-английски. Молчание – это отказ от речевых действий, это лакуна на фоне говорения, т.е. отступление от коммуникативной нормы, и, как правило, оно значимо. Правда, иногда молчат по экстралингвистическим причинам, например, из страха быть неправильно понятыми.

Итак, молчание активно и семантически полновесно и приравнивается к речевому акту, форме поведения, поступку. Какова же семантика молчания? Попытаемся разобраться в словарных значениях трех слов – *безмолвие*, *молчание*, *тишина*. Согласно словарю В.И. Даля, *безмолвие* толкуется через молчание, молчок, тишину, тишь и наоборот. Не разводят эти слова и современные словари, например, «Словарь русского языка» в 4-х томах, М., 1982 – 1984. Несколько шире значение слова *тишина* – кроме отсутствия звуков, говора, шума здесь имеется еще одно значение, которое отсутствует в двух других словах – «отсутствие вражды, ссоры, общественных волнений, беспорядков» - *нарушение общественной тишины; мнимая тишина этой величественной эпохи* (Пушкин).

Согласно 4-хтомному академическому словарю, *молчание* – это «состояние по глаголу молчать», а глагол молчать – «ничего не говорить, не нарушать тишины» (с. 294). Но наблюдения над употреблением в текстах показывает, что его содержание намного шире, чем это отражено в словарях. Молчание – признак «чужого», отсюда *немец*, в белорусских диалектах – *немчик* – немой, *нямтур*, *немяуля* – о пока еще не говорящем ребенке.

«Сказка о рыбаке и рыбке» кончается словами: «Ничего не сказала рыбка...». И сказка как бы исчезает в немом финале. А. Пушкин любит такой финал: «Борис Годунов» – «Народ безмолвствует». В мире человека молчание и тишина, молчание и безмолвие взаимодействуют: *втихомолку*, *безмолвствуют народы и цари* (высок), а отдельные люди – молчат.

Молчание, безмолвие, тишина – сложные и таинственные феномены культуры. Человек вошел в мир бесшумно, – утверждает П. Тейяр де Шарден. Глубокое понимание молчания дал В. Набоков («Поэты», 1939): *Сейчас переходим с порога мирского / в ту область... как хочешь ее назови: / пустыня ли, смерть, отрешенье от слова / иль, может быть, проще: молчанье любви./ Молчанье далекой дороги тележной, / где в пене цветов колея не видна, / молчанье отчизны – любви безнадежной – / молчание зарницы, молчанье зерна.*

Дальнейший анализ позволяет уловить самые тончайшие смысловые нюансы лексем **тишина** и **молчание**: если тишина – более природное явление, то молчание – человеческое, которое тесно связано с такими качествами человека, как мудрость: «Слушая и сохраняя молчание, ты сделаешься мудрым: начало премудрости есть молчание» (Пифагор). Отметим также, что наиболее широкое и частотное из этих трех существительных – **тишина**, а наиболее сильное по прагматическому эффекту – **безмолвие**.

Данные феномены оцениваются в русской культуре неоднозначно, часто противоположно: *играть в молчанку* (молчать плохо) и *держат язык за зубами* (молчать хорошо). А. Платонов, «Чевенгур»: *«Пока слово не скажешь, то умным не станешь, оттого что в молчании ума нету – есть одно мучение – чувства...»*. У Ф.И. Тютчева в стихотворениях, наоборот, дается самая высокая оценка данному феномену. «Вопросы», «Через ливонские я проезжал поля...». Желание автора, чтобы на немом языке заговорил весь мир, или же чтобы весь мир погрузился в молчание, которое – лучший язык. Аналогичным образом оценивал данный феномен

Б. Пастернак: *«Тишина, ты лучшее из того, что слышал, / Некоторых мучает, что летают мыши»*. Здесь мы видим призыв к логичности, к строгости выражения мысли. Но язык чудовищно парадоксален, алогичен: *Мальчик стоит под дверью. Я сплю* (если говорю, то не сплю). *Я лгу* (если лжешь, то говоришь правду) и т.д. Поэтому призыв к логичности – это кастрация мысли.

С точки зрения коммуникации, это также интереснейший феномен. На сегодняшний день сосуществуют два основных направления в исследовании коммуникации: динамическое, связанное с именами В.фон Гумбольдта, А.А. Потебни и др. лингвистов, и структуралистское – Ф.де Соссюр, Р.О.Якобсон, пражцы, для которых язык функционирует по заранее заданным моделям (отсюда соссюровское сравнение языка с шахматами).

Для нас ближе первое направление, при котором коммуникация воспринимается как акт творческого взаимодействия коммуникантов. Именно при таком понимании есть место молчанию.

Схема коммуникативной ситуации, разработанная Р.О. Якобсоном, была дополнена Ю.В. Кнозоровым, который к двум участникам коммуникации – адресату и адресанту – прибавил третьего – перехватчика, по сути дела «молчащего». Евангельский текст также предполагает третью, божественную позицию в диалоге: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20). Я = Бог = Молчащий.

В любом тексте один пишет, другой читает, чтобы понять, а третий – молчащий наблюдатель, который подсознательно или осознанно фиксируется автором в рамках текста. Его присутствие влияет на ход общения, следовательно, его необходимо включать в коммуникативную ситуацию, т.е. имеет смысл говорить о коммуникативной триаде, а не о коммуникативной диаде.

Этот молчащий наблюдатель может быть совестью, общественной моралью, Богом, театральным залом, народом (ср. финал пьесы А. Пушкина «Борис Году-

нов» - *Народ безмолвствует*. «Сказка о рыбаке и рыбке» также кончается словами: «Ничего не сказала рыбка...». И сказка как бы исчезает в немом финале, который так любил А. Пушкин. У В. Жуковского в стихотворении "Невыразимое" есть такая строка (завершающая, сильная позиция): *И лишь молчание понятно говорит*.

Но даже когда народ безмолвствует, он ведет диалог с историей. Его присутствие создает ситуацию, влияющую на стилевой регистр и тезаурусы общающихся, побуждает коммуникантов корректировать свои высказывания и стремиться к корректности-некорректности речи.

Как же фиксируется присутствие молчащего в коммуникации? Например, молчащий может быть тайно подслушивающим наблюдателем, и тогда создавшаяся ситуация будет развиваться согласно поговорке *Сказал бы словечко, да волк недалечко*. Молчащий может способствовать объединению коммуникантов в альянс, их психологическому, эмоциональному сближению. Тогда мы можем говорить о деятельном молчании.

Итак, молчащий наблюдатель – член коммуникативного акта.

Заключение. Таким образом, из сказанного вытекает, что концепт «молчание» многомерен, как сложный ментальный комплекс он включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к данному феномену, его таинственную внутреннюю сущность. Молчание – это преодоление слова, восхождение на высшую ступень коммуникации, мышления, понимания. В его основе – слово как фундамент + интуиция. Именно в молчании воплощена мечта о возвращении в безмолвный рай, прорыв в "Ничто", т.е. мистический прорыв в трансцендентность. Это творчество на пределе языка, на самом краю молчания. Прорыв в молчащее пространство, полет в поэтическую пустоту.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1991.

ИМЯ ЧЕЛОВЕКА В АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНОМ ФОНЕ ОЙКОНИМА *ВИТЕБСК*

*А.М. Мезенко, В.В. Горнак
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Каждой из ономастических единиц сопутствует информация, не входящая в ее непосредственное содержание, но при этом сигнализирующая о закрепленных в языке особенностях духовного развития носителей конкретного языка. Среди факторов, обуславливающих адекватное понимание ее говорящими и слушающими, ученые называют фоновые знания, или «обоюдные знания» [1, 398], которыми располагает каждый из коммуникантов. Одним из проверенных [2] и результативных путей выявления фоновых знаний в настоящее время признается изучение ассоциативно-культурного фона онимов.

Цель настоящего исследования – определение антропонимной составляющей ассоциативно-культурного фона исследуемого ойконима.

Материал и методы. Материалом исследования послужили данные анкет, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 157 респондентов. Испытуемым было предложено предварительно вписать в анкету следующие социально-биографические данные: пол, год рождения, место рождения, образование, сфера профессиональной деятельности, время проживания